

УДК 81-23

Возвратные местоимения эвенского языка в функционально-семантическом аспекте

Федоренкова Валерия Степановна

Ассистент кафедры алтайских языков, литературы и фольклора,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
институт народов Севера,
198261, Российская Федерация, Санкт-Петербург, пр. Стачек, 30;
e-mail: valeria.141169@mail.ru

Аннотация

В статье выявлен круг лексем в эвенкийском языкознании, образующих часть речи, дана их общая характеристика, произведена семантическая классификация по разрядам, в результате сформировалось системное описание семантики возвратных местоимений.

Для цитирования в научных исследованиях

Федоренкова В.С. Возвратные местоимения эвенского языка в функционально-семантическом аспекте // Язык. Словесность. Культура. 2016. № 1-2. С. 21-28.

Ключевые слова

Эвенский язык, морфология, семантические разряды местоимений, возвратные местоимения, местоименные слова.

Введение

По своим функционально-семантическим и лексико-грамматическим свойствам местоимения занимают особое положение в системе частей речи. Определение статуса прономинативов до сих пор является проблемным вопросом в языкознании. С одной стороны, местоимения представляют собой самостоятельную лексико-семантическую структуру с особой словообразовательной парадигмой, играющую чрезвычайно важную роль в организации текста. С другой стороны, они повторяют грамматические характеристики других частей речи. Противоречивый характер семантики и грамматических функций прономинативов отмечен многими лингвистами. А.М. Пешковский писал в своей работе, посвященной анализу синтаксической системы русского языка: «Местоимения представляют собой... совершенно парадоксальную в грамматическом отношении группу слов, в которой

неграмматические части слов (корни) имеют именно это субъективно-объективное значение, т. е. обозначают отношение самого мыслящего к тому, о чем он мыслит» [Пешковский, 2001, 155]. Е.М. Сидоренко, выделяя местоимения в самостоятельную часть речи, подчеркивает, что «производится это на несколько иной, чем у номинативных слов, основе, то есть местоимения представляют собой не чисто лексико-грамматический класс слов, а скорее семантико-функциональный класс слов. В широком понимании местоимения можно рассматривать как особую часть речи, обладающую категориальной соотносительностью с именами существительными, прилагательными, числительными, наречиями, безлично-предикативными словами; имеющую особый прономинальный способ отображения объективной действительности... В местоимениях прономинальный способ используется для того, чтобы, не называя конкретные предметы, признаки и т. п., запросить о них какую-либо информацию или сообщить о них неопределённо, указать на них и т. д. Осуществление связи звукового комплекса с явлениями объективной действительности происходит через один из пяти основных типов прономинальной семантики: вопрос, указание, отрицание, неопределенность, обобщение с выделением. Именно эти типы прономинальной семантики и дают право выделить пять основных семантических разрядов местоимений» [Сидоренко, 2005, 31, 33]. Учитывая специфику значения указательности, свойственной лишь нескольким традиционно выделяемым семантическим разрядам: собственно указательному, личному, возвратному и притяжательному, – Е.М. Сидоренко объединяет их в один семантический разряд.

Возвратные местоимения эвенского языка в функционально-семантическом аспекте

Группа эвенских возвратных местоимений представлена разрядом из следующих слов: **мээни** (в единственном числе) *себя*, **мээнур**, **мээрбур** (во множественном числе) *себя*, **мээн**, **мээнгий** *свой*, **мээр**, **мээнгий** *свои*, а также взаимно-возвратное местоимение **мээн мээнур** (в западных говорах), **мээр мээрбур** (в восточных говорах) *друг друга*, **бэйди**, **бэйдур** *себе*. Возвратные местоимения с основой **бэй-** не употребительны в восточных говорах и литературном языке, созданном на основе ольского говора. В западных и средне-западных говорах форма множественного числа **мээнур** *себя* образуется от основы единственного числа **мээн-** [Дуткин, 1995, 38; Лебедев, 1978, 72], тогда как в восточных говорах форма множественного числа **мээрбур** *себя* образуется от основы множественного числа **мээр**. **Мээни** *себя* указывает на лицо, о котором идёт речь, и **мээн**, **мээнгий** *свой* указывает на принадлежность предмета конкретному лицу. Оно указывает на отношение действия к самому производителю действия (подлежащему), соответствуя по смыслу личным местоимениям любого лица и числа. Возвратное местоимение **мээни** *себя* показывает, что объектом действия является тот же субъект, который производит данное действие.

Основанием объединения вышеуказанных местоимений в единую группу является общее значение возвратности, которое проявляется в первую очередь в специфике анафорической функции: возвратные местоимения осуществляют «возврат» к высказыванию, частью которого являются, причем суть устанавливаемой анафорической связи – отношения кореферентности, то есть совпадение, тождество референта возвратного местоимения и референта другого члена высказывания.

В этом смысле собственно возвратным, то есть выполняющим только функцию «возврата» к кореферентному ему члену высказывания, является местоимение **мээни**, **мээнур** (**мээрбур**) *себя*. Местоимения **мээн**, **мээнний** *свой*, **мээр**, **мээнний** *свои* объединяют значения возвратности и притяжательности, поскольку указывает на посессора, соотносимого с другим членом того же высказывания. В связи с этой особенностью возвратно-притяжательные местоимения объединяются с лично-притяжательными местоимениями в один разряд. Спецификой местоимения **мээн мээнур** (**мээр мээрбур**) *друг друга* является сплав значений возвратности и взаимности: местоимение осуществляет «возврат» к члену высказывания, представляющему собой некое множество, и в то же время обозначает наличие взаимоотношений между «участниками» данного множества. Так, в наиболее частотном употреблении (Нонгартан мээн мээнур аявритан. – *Они любили друг друга.*) местоимение **мээн мээнур** (**мээр мээрбур**) *друг друга* указывает, что каждый субъект действия, принадлежащий определенному множеству, является объектом аналогичного действия другого субъекта из того же множества. Учитывая семантические особенности данного местоимения, М.А. Шелякин в «Функциональной грамматике русского языка» употребляет термин «взаимно-возвратное».

Таким образом, возвратные, возвратно-притяжательные и взаимно-возвратные местоимения объединяются по общему значению возвратности. Семантическая категория возвратности выражает определенное отношение между субъектом и объектом действия, предполагая «воздействие» человека на самого себя, свое тело и свою духовно-мыслительную сферу (свои чувства, мысли). Возвратные местоимения являются основным средством выражения категории возвратности. Возвратные местоимения **мээни**, **мээнур** (**мээрбур**) *себя* многозначны и многофункциональны. Семантический анализ этих лексем позволяет определить значения, входящие в категорию возвратности: денотативные семемы «человек как целое, кореферент имени субъекта», «тело», «душа, внутренний мир», «человек как хозяин помещения», «группа людей, в которую входит субъект». Референтом возвратного местоимения **мээни**, **мээнур**, **мээрбур** *себя*, как правило, является лицо или лица, производящие действие.

Наличие у возвратного местоимения **мээни** *себя* нескольких значений подтверждается данными этимологии: во многих алтайских языках возвратные и возвратно-определяющие местоимения происходят от слов со значением *человек, душа, тело*. Эвенская лексема **бэй** *человек* соотносительна с основой **бэй-** или **бэйэн-**, являющейся общеалтайской. Например,

в якутском языке, относящемся к тюркской группе алтайской языковой семьи, имеются местоимения, образованные от основы **бэй-**, ср.:

	эвен.	як.	
1 л.	бэй- ду-в	бэй-эбэр	<i>себе (мне)</i>
2 л.	бэй-ду-с	бэй-эгэр	<i>себе (тебе)</i>
3 л.	бэй-ду-н	бэй-этигэр	<i>себе (ему)</i>

В.Д. Лебедев в своей работе «Охотский диалект эвенского языка» указывает на генетическое родство основ **бэй-** и **мээн-** и приводит примеры употребления основы **бэй-** в значении определительного и возвратного местоимения в косвенных падежах: «На основании данных всех тунгусо-маньчжурских языков предполагается, что основа возвратных и определительных местоимений **мээн-** сам представляет собой фонетическое видоизменение более древней основы ***бэйэн**. В этой предполагаемой форме произошло выпадение **й**, стечение двух гласных в долгий э, видоизменение анлаутного **б** в **м** под влиянием последующего **н**, т.е. ***бэйэн >*бээн>*мээн**» [Лебедев, 1982, 67]. «Интересно отметить, что в маньчжурском языке слово **бэйэ сам** или **бэйэсэ сами** употребляется в роли возвратных местоимений» [Лебедев, 1978, 78].

Лексема **мээни себя** реализует, например, значение *тело* в послеложно-падежных формах: **мээн даалилай тээвли поставь около себя**, **мээнтэкий таали тяни к себе**. При употреблении возвратных местоимений с глаголами, обозначающими эмоциональное и рациональное состояние человека, его волевое поведение, обнаруживается семема *душа*: **мээни аявдай любить себя**, **мээни дисуттэй защищаться**, **мээни тикундай ненавидеть себя**, **мээни хаадай знать себя**. Вследствие метонимического переноса возможно употребление местоимения **мээни** в значении «человек как хозяин территории»: «**Этикэн мээнтикий һөррин. – Старик пошел к себе (домой)**».

Возвратные местоимения **мээни**, **мээнур (мээрбур)** не имеют начальной формы, изменяются только в косвенных падежах, соотносятся с любым из личных местоимений всех трёх лиц: «Би мээнди качикам гарам». – «**Я себе щенка взял**», «һии мээнди качикам гаданри». – «**Ты себе щенка взял**», «Нонан мээнди качикам гадни». – «**Он себе щенка взял**». Возвратное местоимение **мээни себя** в эвенском языке имеет форму единственного и множественного числа. Форма множественного числа в западных и средне-западных говорах, таких как аллаиховский, охотский, момский, томпонский, образуется от основы не множественного числа **мээр-**, как в восточных говорах (**мээрбур себя**, **мээрдур себе**), а от основы единственного числа **мээн-**: **мээнур себя**, **мээндур себе**. В.И. Цинциус отметила в эвенском языке «разрыв между грамматической и логической формой числа субъекта действия (подлежащего) и объекта действия (дополнения), выраженного возвратным местоимением. Это наблюдается,.. когда действующее лица или предмет хотя и выступает в предложении в единственном числе, но мыслится связанным с другими лицами [Цинциус, 1947, 132]: **Акму мээрдур гадын. – Мой старший брат себе =нам (т.е. себе и мне) взял**.

Склонение возвратных местоимений имеет ряд особенностей. Склоняются возвратные местоимения в единственном числе по типу усеченных и неусеченных основ притяжательного склонения, оканчивающихся на **н**. Парадигма склонения неполная: данный разряд местоимений не имеет форм именительного падежа, так как выступает только в роли дополнения, и назначительного падежа, «поскольку в такой форме они не могут быть использованы по своему смысловому значению» [Лебедев, 1978, 73]. Формы направительно-местного, направительно-продольного падежей не употребительны в некоторых говорах Якутии и охотском говоре эвенского языка [Лебедев, 1982, 66]. Склонение возвратного местоимения во множественном числе имеет отличительные особенности в зависимости от говора. В литературном языке и восточных диалектах возвратное местоимение во множественном числе склоняется, как основа с суффиксом мн. ч. **-р**, в средне-западных говорах возможно образование формы мн.ч. и от основы мн. ч. **мээр-**, и от основы ед.ч. **мээн-**. В ныне мертвом арманском диалекте, в западных и средне-западных говорах (в ламунхинском, аллаиховском, охотском) форма множественного числа образуется от основы единственного числа **мээн-** (см. табл. 1).

Таблица 1. Склонение возвратных местоимений

	единственное число	множественное число
Именительный	–	–
Винительный	мээни	мээрбур/ мээнур
Дательный	мээнди	мээрдур/ мээндур
Направительный	мээнтэкий	мээртэкивур/ мээнтикивур
Местный	мээндулэй	мээрдулэвур/ мээндулэвур
Продольный	мээндулий	мээрдულიвур/ мээндуливу
Напр.-местный	мээнэклэй/ –	мээрэклэвур/ –
Напр.-продольный	мээнэклий / –	мээрэкливур/ –
Отложительный	мээндукий	мээрдукур/ мээндукур
Исходный	мээнгидьий	мээргидьур/ мээнгидьур
Творительный	мээндьий	мээрдьур/ мээндьур
Совместный	мээннүми	мээрнүмур / мээннүмур

В предложении возвратное местоимение выполняет функцию дополнения: «...Екэй доован мээндулэй кумтэпки онгкэрив». – «Содержимое своего ведра на себя опрокинула (вылила)» [Федотова, 2004, 16]. Чистые основы **мээн-**, **мээр-** без притяжательных аффиксов функционируют самостоятельно в атрибутивных притяжательных словосочетаниях в качестве возвратно-притяжательных местоимений со значением *свой, себе принадлежащий*: **мээн дьууй свой дом (мой, твой, его)**, **мээр дьуувур свй**. Проведенное системное описание возвратных местоимений обогащает наши знания об их семантике и условиях ее реализации.

Вывод

В эвенкийском языкознании специального системного изучения местоимений еще не предпринято. К настоящему времени выявлен круг лексем, образующих эту часть речи,

дана их общая характеристика, произведена семантическая классификация по разрядам. Вышеизложенное свидетельствует о том, что системное изучение эвенкийских местоимений как целостной структуры с выявлением специфических особенностей морфологического, синтаксического и функционального порядка остается актуальным вопросом в языкознании.

Библиография

1. Воротников Ю.Л. Местоимения как «языковые категоризаторы» // Филологические науки. 2001. № 5. С. 42-49.
2. Гайнутдинова А.Ф. Соотносительность местоимения «себя» в предложении // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: материалы международной научно-практической конференции. СПб.: РГПУ им. Герцена, 2011. С. 63-67.
3. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии. СПб., 1995. 144 с.
4. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л., 1982. 243 с.
5. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л., 1978. 208 с.
6. Мигирин В.Н. Язык как система категорий отображения. Кишинев, 1973. 220 с.
7. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.
8. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001. 510 с.
9. Роббек В.А. Язык эвенов Березовки. Л., 1989. 206 с.
10. Русская корпусная грамматика. Местоимение. URL: <http://rusgram.ru>
11. Сидоренко Е.Н. Теоретические и практические материалы по морфологии современного русского языка: учебное пособие в 5 частях. Ч. 2. Имя прилагательное. Имя числительное. Местоимение. Симферополь: СГУ, 2005. 151 с.
12. Федотова М.П. Бакивун нулгэнэдь кунга. СПб., 2004. 56 с.
13. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.
14. Baker M. Degrees of nominalization: Clause-like constituents in Sakha // *Lingua*. 2011. Vol. 121. Issue 5. P. 1164-1193.
15. Efimov V.S., Lapteva A.V., Mikhailova E.I. The impact of urbanization on the transmission of culture and language of the Sakha people: a sociological analysis // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* (Elsevier Science). 2015. Vol. 43. Issue 4. P. 127-134.
16. Popova V. Innokenti Veniaminov and the Concise Grammar of the Yakut Language Compiled by the Archpriest Dmitrii Khitrov // *Greek Orthodox Theological Review*. 1999. Vol. 44. Issue 1-4. P. 675-677.
17. Vasilyeva L., Arnhold A., Järvikivi J. Phonetic correlates of phonological vowel quantity in Yakut read and spontaneous speech // *Journal of the Acoustical Society of America*. 2016. Vol. 139. Issue 5. P. 2541-2550.

Reflexive pronouns of the Even language in the functional-semantic aspect

Valeriya S. Fedorenkova

Assistant at the Department of Altaic languages, literature and folklore in
the Herzen State Pedagogical University,
the Institute of the Peoples of the North,
198261, 30 Stachek ave., Saint-Petersburg, Russian Federation;
e-mail: valeria.141169@mail.ru

Abstract

The Evenki linguistics had no special systematic study of pronouns. Determination of the pronouns status is still a problematic issue in linguistics. On the one hand, the pronouns are independent in their lexical-semantic structure, with special formative paradigm that plays a crucial role in the organization of the text. On the other hand, their characteristics repeat the other grammatical parts of speech. The article identifies a range of lexemes in the Evenki linguistics, forming the part of speech and giving their general characteristics, made a semantic classification by level. The result is a systematic description of the semantics of reflexive pronouns. The basis for association of pronouns in a united group is the reflexiveness, which is manifesting itself primarily in the specifics of anaphoric functions: reflexive pronouns carry "return" to the statement, being its part. The sense of established anaphoric connection is the relationship of coreference, i. e. coincidence, identity between the referent of reflexive pronoun and referent of other statements of the member. It suggests that the systematic study of Evenk pronouns as an integral structure, with the identification of the specific characteristics of morphological, syntactic and functional structure, still remains an important issue in Evenki linguistics.

For citation

Fedorenkova V.S. (2016) Vozvratnye mestoimeniya evenskogo yazyka v funktsional'no-semanticeskome aspekte [Reflexive pronouns of the Even language in the functional-semantic aspect]. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Philology. Culture], 1-2, pp. 21-28.

Keywords

The Even language, morphology, semantic level pronouns, reflexive pronouns, pronominal words.

References

1. Baker M. (2011) Degrees of nominalization: Clause-like constituents in Sakha. *Lingua*, 121 (5), pp. 1164-1193.

2. Dutkin Kh.I. (1995) *Allaikhovskii govor evenov Yakutii* [The Allaikhovsky dialect of the Evens of Yakutia]. Saint Petersburg.
3. Efimov V.S., Lapteva A.V., Mikhailova E.I. (2015) The impact of urbanization on the transmission of culture and language of the Sakha people: a sociological analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia (Elsevier Science)*, 43 (4), pp. 127-134.
4. Fedotova M.P. (2004) *Bakivun nulgened' kunga*. Saint Petersburg.
5. Gainutdinova A.F. (2011) Sootnositel'nost' mestoimeniya "sebya" v predlozhenii [Correlativeness of the pronoun "myself" in the sentence]. In: *Yazyk, kul'tura, mentalitet: problemy izucheniya v inostrannoï auditorii: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Language, culture, mentality: problems of studying in a foreign audience: materials of International scientific-practical conference]. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University Publ., pp. 63-67.
6. Lebedev V.D. (1978) *Yazyk evenov Yakutii* [Language of Evens of Yakutia]. Leningrad.
7. Lebedev V.D. (1982) *Okhotskii dialekt evenskogo yazyka* [The Okhotsk dialect of Even language]. Leningrad.
8. Migirin V.N. (1973) *Yazyk kak sistema kategorii otobrazheniya* [Language as a system of reflection categories]. Kishinev.
9. Paducheva E.V. (1985) *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu (Referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [Statement and its correlation with reality (Referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow: Nauka Publ.
10. Peshkovskii A.M. (2001) *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scholar study]. Moscow.
11. Popova V. (1999) Innokenti Veniaminov and the Concise Grammar of the Yakut Language Compiled by the Archpriest Dmitrii Khitrov. *Greek Orthodox Theological Review*, 44 (1-4), pp. 675-677.
12. Robbek V.A. (1989) *Yazyk evenov Berezovki* [The Language of the Evens of Berezovka]. Leningrad.
13. *Russkaya korpusnaya grammatika. Mestoimenie* [Russian grammar corpus. Pronoun]. Available at: <http://rusgram.ru> [Accessed 14/09/2015].
14. Sidorenko E.N. (2005) *Teoreticheskie i prakticheskie materialy po morfologii sovremennogo russkogo yazyka: uchebnoe posobie v 5 chastyakh. Ch. 2. Imya prilagatel'noe. Imya chislitel'noe. Mestoimenie* [Theoretical and practical materials on the morphology of the modern Russian language: textbook in 5 pieces. Part 2. Adjective. Numeral. Pronoun]. Simferopol'.
15. Tsintsius V.I. (1947) *Ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Study of Even (Lamut) language grammar]. Leningrad.
16. Vasilyeva L., Arnhold A., Järvikivi J. (2016) Phonetic correlates of phonological vowel quantity in Yakut read and spontaneous speech. *Journal of the Acoustical Society of America*, 139 (5), pp. 2541-2550.
17. Vorotnikov Yu.L. (2011) Mestoimeniya kak "yazykovye kategorizatory" [Pronoun as language categorization]. *Filologicheskie nauki* [Philology], 5, pp. 42-49.